

О ПРОБЛЕМАХ ПОИСКА УНИВЕРСАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ ИДЕЙ

Н. И. Малышева*

В настоящее время проблема соотношения всеобщего, особенного и единичного актуализирована глобализацией. Всеобщее рассматривается как универсальное, глобальное. Если абстрактно-всеобщее — это то общее или сходное, инвариантное, которое фиксируется в ряде предметов определенного класса, то конкретно-всеобщее — это понятие всеобщего, которое не абстрагирует, не отрицает особенное, т. е. национально-культурное.¹ Представляется перспективным исходить именно из последнего из указанных пониманий «всеобщего».

Складывающийся глобальный мир нуждается во всеобщих, универсальных правовых стандартах, которыми будут руководствоваться его жители. Для того чтобы такие стандарты оформились, стали действующими, они должны быть интерпретированы правосознанием участников «глобального общения», пройти своеобразный этап идейного осмысления и «принятия».

Естественно, что идейные, принципиальные основы будущего глобального правового порядка не могут возникнуть на пустом месте. Необходимы ретроспективный анализ правовых и политических идей, изучение их истории, что должно помочь прогнозировать негативные и позитивные тенденции в возможном использовании идейного наследия прошлого для современного общества. История правовой и политической мысли нередко представляется как «лестница идей» в процессе общего движения вперед. Впрочем, нередко следующий шаг по этой «лестнице» означал утрату или отрицание прежних достижений. Сегодня, в условиях глобализации, с высоты достигнутой ступени, с учетом опыта прошлого мы не можем позволить себе упустить то, что сказано до нас, чтобы открывшаяся перед нами картина политических и правовых учений была наиболее завершенной и полной.

Используя слова известного отечественного специалиста в области истории философии А. В. Гулыги, можно сказать: «Задача состоит в том, чтобы освоить полученное наследие, свести его воедино, отсечь все тупиковые ответвления, оценить по достоинству, понять до конца все жизнеспособное и плодотворное, сделать его достоянием читающей и думающей публики».² Не утверждая категорически вслед за цитируемым автором, что культура сегодня возможна только как освоение традиции, подчеркнем важность для устойчивого глобального правового порядка уяснения, распространения и осуществления «мировой мудрости». Отдельный вопрос, каким образом определить те идеи, которые сегодня могут претендовать на звание всеобщих, универсальных и образцовых в условиях глобализации на современном этапе. Будут ли это новые идеи,

* Малышева Наталья Ивановна, кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры теории и истории государства и права СПбГУ.

© Н. И. Малышева, 2010

E-mail: nmal@list.ru

¹ Кефели И.Ф. Социальная природа глобализма // Перспективы человека в глобализирующемся мире / Под ред. В. В. Парцвания. СПб., 2003. С. 103.

² Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 365.

рождающиеся в процессе интеграции сложившихся идей в контексте взаимодействия различных правовых культур, или статус глобальных приобретут идеи, которые родились в свое время как чьи-то национальные? При этом в XXI в. приходит понимание, что речь идет об идеях, разделяемых акторами как западной, так и других цивилизаций.

Если обратиться к прошлому, думается, что в XVII–XVIII вв. глобальный характер в достаточной степени демонстрировала европейская культура. На значительной части земного шара западные идеи и западный путь развития представлялись прогрессивными, лучшими, образцовыми. И особое место здесь занимает теория естественного права. Чтобы приобрести глобальные черты, ей понадобилось не одно тысячелетие. На отечественную почву идеи естественно-правового характера активно привносились во времена Петра I с помощью трудов известного немецкого правоведа Самуила Пуфендорфа (1632–1694). Учение Пуфендорфа было весьма популярным в Европе в XVII–XVIII вв. Общеизвестно, что еще при жизни Пуфендорф считался признанным авторитетом, своего рода «воспитателем умов», «отцом научного естественного права», который придал данному учению общепонятную форму.³ Некоторые произведения Пуфендорфа (в частности, его блестящий труд «*De officio hominis et civis juxta legem naturalem*» («Об обязанностях человека и гражданина по закону естественному»))⁴ до начала XIX столетия служили руководством для преподавания.⁵ В XVII–XVIII вв. мало кто мог сравниться с Пуфендорфом по численности читательской аудитории. Например, названная книга, которая, по сути, стала учебником в вопросах права и политики, в указанный период переводилась на немецкий, французский, английский, датский, шведский, голландский, итальянский, испанский, русский языки.⁶ Вот еще некоторые цифры, приведенные одним из исследователей творчества немецкого мыслителя Леонардом Кригером. Знаменитые произведения Пуфендорфа «*De jure naturae et gentium*»

³ Wolf E. Grotius, Pufendorf, Thomasius. Tübingen, 1927. S. 76.

⁴ В России основной интерес был проявлен именно к данному труду Пуфендорфа, который получил заглавие «О должности человека и гражданина по закону естественному книги две, сочиненныя Самуилом Пуфендорфом; Ныне же на российский с латинскаго переведенныя, повелением благочестивейшия великия государыни Екатерины Алексиевны, императрицы и самодержицы всероссийския, благословением же Святейшаго правительствующаго всероссийскаго синода. Напечатаны же в Санктпетербургской Типографии ноября в 17 день 1726 года» (*Сводный каталог русской книги гражданской печати 18 в. (1725–1800 гг.): В 5 т. Т. 2. М., 1964. С. 489*). Уточним, что перевод этой книги на русский язык был лично поручен Петром I Святейшему Синоду и вышел в 1726 г. тиражом 600 экземпляров. В некоторых русскоязычных источниках приводится иная дата издания: конец 1728 г. (см., напр.: *Дегай П. Пособия и правила изучения российских законов, или Материалы к энциклопедии, методологии и истории литературы Российского Права. М., 1831. С. 120*). Один из немецких исследователей творчества Пуфендорфа утверждает, что в России эта книга переводилась дважды (в 1724 и 1726 гг.) (см. об этом: *Othmer S. C. Berlin und die Verbreitung des Naturrechts in Europa. Kultur-und-socialgeschichtliche Studien zu Jean Barbeyracs Pufendorf-Übersetzungen und eine Analyse seiner Leserschaft. Berlin, 1970. S. 138–139, 202–206*). Известно и о переводах других произведений Пуфендорфа, осуществленных в России в XVIII в. Не касаясь его трудов исторического характера, следует указать, что переведен был памфлет Пуфендорфа, изданный под псевдонимом, «О государственном строе Германской империи» (см.: *Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 214–220, 255, прим. 2. С. 324–325*). Обширное руководство Пуфендорфа «Восемь книг о естественном праве и о праве народов» также было переведено на русский язык, но перевод не был издан (см.: *Грaбapь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). § 6. Переводческая деятельность // Правотека.ру <http://www.pravoteka.ru/lib/mezhhdunarodnoe-pravo/0002/202.html>*).

⁵ *Коркунов Н. М. История философии права. СПб., 1908. С. 143.*

⁶ *Othmer S. C. Berlin und die Verbreitung des Naturrechts in Europa. Kultur-und-socialgeschichtliche Studien zu Jean Barbeyracs Pufendorf-Übersetzungen und eine Analyse seiner Leserschaft. S. 138–139.*

(«О праве естественном и народов») и «De officio hominis et civis juxta legem naturalem» («Об обязанностях человека и гражданина по закону естественному») выдержали тридцать пять изданий на латинском (первоначальном, оригинальном) языке, тридцать девять изданий в переводе на французский, четырнадцать — на английский язык. Его работа «О конституции Германской империи» разошлась по германоязычным странам в латиноязычной и немецкой версиях за пятьдесят лет (до 1710 г.) в количестве трехсот тысяч экземпляров.⁷ Такое большое количество тиражей является подтверждением высокой оценки творчества Пуфендорфа практически во всех европейских странах. Особую роль в распространении его учения сыграл Жан Барбейрак (1674–1744), который известен как автор переводов Пуфендорфа и других философов (например, Гроция, Кумберленда) на французский язык. Превосходный французский перевод «De jure naturae et gentium» в первый раз вышел в 1706 г. в Амстердаме. Барбейраку показалось мало простого перевода, и он предварил издание 1732 г. собственным очерком по истории естественного права. Книга Пуфендорфа «De officio hominis et civis» в переводе Барбейрака вышла в 1707 г., причем известно, что ее переиздавали вплоть до 1830 г. Исследователями наследия Пуфендорфа отмечается ясность и правильность переводов талантливого француза.⁸ Популярность идей Пуфендорфа в Германии может быть объяснена среди прочих причин и влиянием его как преподавателя на умы своих многочисленных слушателей.⁹ Самуил Пуфендорф считается одним из родоначальников рационалистической концепции естественного права, он придал естественному праву научный вид. По мнению исследователей его взглядов, учение Пуфендорфа с некоторыми модификациями становится господствующей естественно-правовой теорией в течение XVIII столетия.¹⁰

На сегодняшний день естественно-правовая проблематика отнюдь не исчерпала себя как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Как справедливо было отмечено С. С. Алексеевым, «основная ценность подхода к правовым явлениям с позиций естественного права заключается в том, что таким путем оказывается возможным выйти из замкнутого круга одних лишь юридических явлений... и увидеть основы, точнее, быть может, предосновы права».¹¹ Одновременно целесообразно рассматривать суть естественного права не только в качестве идеального понятия, но и с точки зрения прагматического подхода в качестве тех норм и стандартов, которые являются общими для значительной части человечества и многих типов человеческих обществ и используются для управления поведением человека в обществе.¹²

Другое дело, что сугубо рационалистически истолкованная классическая естественно-правовая теория не отвечает современному уровню развития науки. И сегодня вновь возобновляются попытки (как это неоднократно наблюдалось в далеком и недавнем прошлом) возродить теорию естественного права.¹³ Очевидно, что естественно-правовая

⁷ Цит. по: Курзенин Э. Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 126.

⁸ Othmer S. C. Berlin und die Verbreitung des Naturrechts in Europa. Kultur-und-socialgeschichtliche Studien zu Jean Barbeyracs Pufendorf-Übersetzungen und eine Analyse seiner Leserschaft. S. 130.

⁹ Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. История философии законодательства. СПб., 1997. С. 266, 268.

¹⁰ Еллинек Г. Право современного государства. Общее учение о государстве. Т. 1. СПб., 1903. С. 133.

¹¹ Алексеев С. С. Философия права. М., 1997. С. 17.

¹² Ллойд Д. Идея права. М., 2002. С. 86–87.

¹³ В частности, В. О. Лобовиков считает, что язык новой естественно-правовой теории должен быть не чисто естественным (как это было раньше), а искусственным (или их смесью). Он должен быть языком

традиция не могла не видоизмениться за прошедшие годы. Примером тому может быть XX в., когда она была использована в борьбе с тоталитаризмом и при юридическом оформлении распространения гражданских и политических прав на значительную часть населения мира. Не секрет, что европейская либеральная традиция, имеющая в числе одного из «китов» естественно-правовую теорию, переживает не лучшие времена, что обусловлено, в числе прочего, и реакцией на попытки западной цивилизации монополизировать идеологический дискурс, направить процесс формирования глобальной правовой системы по западному образцу. Однако, например, та же демократия не выступает во многих обществах как первостепенная ценность.

Но нельзя игнорировать и тот факт, что значительное число людей во всем мире отнюдь не отвергают западную культуру, образ жизни, а идеализируют их, и с ними — западную государственную и правовую систему.

Пристального внимания требуют идеи, положенные в основу современного международного права. Здесь более чем очевидно влияние естественно-правовых взглядов, формулирующих нравственные требования к нормам международного права. Кто может спорить сегодня с тем, что работорговля, агрессия, пиратство не только безнравственны, но и противоправны? Однако не так давно миновали те времена, когда с точки зрения естественного права и действовавших в тот период норм внутригосударственного и международного права оценка названных явлений была если не диаметрально противоположной, то, как минимум, не совпадающей. Понадобились многие годы, чтобы под воздействием норм так называемой «международной морали», мирового общественного мнения и многих других факторов принципы и нормы международного права приобрели действительно стабилизирующий характер. Впрочем, не следует забывать и о том, что провозглашение и оформление таких принципов и норм отнюдь не означает их стопроцентную реализацию.

В качестве примера сложности данной проблемы можно указать на принцип уважения и соблюдения прав человека. Здесь уместно вспомнить Всеобщую декларацию прав человека. Как отмечалось в научной литературе, из анализа текста Всеобщей декларации и практики ее реализации следует, что в ее основе лежат политическая идея либерализма, тесно связанные с ней доктрины естественного права и модернизации,

---

современной математики, в котором должны быть адекватно представимы морально-правовые переменные и функции (в строго математическом значении термина «функция»). По мнению В. О. Лобовикова, прогрессивная трансформация теории естественного права должна превратить ее в теорию «естественного права с изменяющимся (переменным) содержанием» (Р. Штаммлер). Для того чтобы это реализовать, надо начать систематически исследовать именно переменные, каковыми должны стать абстрактные формы поступков. Сложные морально-правовые формы поступков, отвлеченные от конкретного содержания, должны предстать в виде ценностных функций от морально-правовых переменных. При этом окажется, что законы естественного права — морально-правовые формы (ценностные функции), положительное нравственное значение которых инвариантно относительно любых преобразований субъекта оценки деятельности и относительно любых изменений ее содержания (см. об этом: Лобовиков В. О. 1) Математическая логика естественного права и политической экономики. Екатеринбург, 2005; 2) Новый метод анализа в теоретической и прикладной политологии — алгебра естественного права (Эффективное средство морально-политического тестирования действующих норм позитивного права, законопроектов и программ политических партий) // Политекс. 2006. № 3). Впрочем, сам автор указанных работ называет рассмотрение математики и логики в качестве идеала формулировки системы естественного права «хорошо забытым старым», вспоминая Платона, Б. Спинозу, А. Н. Уайтхеда. Не менее уместно, на наш взгляд, упомянуть в данной связи учителя известного немецкого правоведа С. Пуфендорфа Э. Вейгеля (1625–1699), профессора математики Йенского университета, который пытался дать математическое истолкование закономерностей юридической науки.

а также эпистемологическая концепция рационализма (просвещенного, или «законодательного», разума).¹⁴ В связи с оформлением прав человека в названной Декларации в понимании западной цивилизации немало сказано об опасности западного доминирования. Однако обратим внимание на подобного рода опасность и в случае возведения в ранг «всеобщей» любой идеи, доктрины, концепции.

Когда речь идет о поиске правового идеала, возникает необходимость обратиться к философии права. И в таком случае следует помнить, что философия — не только наука и что представление о правовой действительности связано с ее ценностным восприятием. На наш взгляд, весьма перспективным путем в поисках универсальных правовых идей представляется путь, предлагаемый философской компаративистикой, естественно, с учетом правовой специфики, что обусловило наш интерес к методологии данной науки.

Начиная с XIX в. философская компаративистика была нацелена на осознание мысли разных регионов. Закономерным являлось выявление, описание и объяснение специфических идей (и идеалов) философии, незападной и западной, между которыми следует «навести мосты», достичь взаимопонимания. В сверхоптимистической перспективе конечной целью должны стать всемирный синтез-обмен различных мирозерцательных традиций и создание единой мировой философии. В пессимистическом варианте попытки создания универсальной философии на основе синтеза идей и идеалов Востока и Запада считаются неприемлемыми. В таком случае не имеет смысла говорить и о комбинировании западной и восточной философии. В то же время специалистами в области философской компаративистики делается следующий вывод: только взаимопонимание может привести к «естественному синтезу», без осознанного намерения это сделать по особому плану.¹⁵ От востоко- (афро-, латино-) и евроцентризма мыслители переходят к поиску точек соприкосновения разных культур, стран, регионов, цивилизаций.¹⁶

В научной юридической среде за последние годы серьезно вырос авторитет сравнительного правоведения. Объектом сравнения могут быть, например, правовой институт, правовой принцип, правовая норма, национальная система права или законодательства и т. п. Предполагается, что проведением сравнения таких объектов занимается юридическая компаративистика, рассматривающаяся либо как часть теории права и государства, либо как самостоятельная область научного знания, в том и в другом случае позволяющая глубже познать различные правовые системы. Если же для сравнения предложить политико-правовые идеи, взгляды, концепции, то, скорее всего, подразумевается, что такого рода сравнение вполне укладывается в рамки истории политических и правовых учений. Важность использования данного инструмента исследования охарактеризована Д. И. Луковской следующим образом: «Без сравнительного анализа тех или иных доктрин, учений, действительно, трудно уяснить особенности каждой из них, определить место в рамках соответствующей школы, направления и

---

¹⁴ Честнов И. Л. Универсальны ли права человека: Полемиические размышления о Всеобщей декларации прав человека // Правоведение. 1999. № 1. С. 73.

¹⁵ См. об этом: Колесников А. С. Философская компаративистика и диалог культур // Россия и Грузия: диалог и родство культур: Сб. материалов симпозиума. Вып. 1 / Под ред. В. В. Парцвания. СПб., 2003. С. 185–205.

¹⁶ Там же. С. 192.

в истории политико-правовой мысли в целом».¹⁷ Соответственно, «всеобщая история политико-правовой мысли предстает как разнонаправленный, разновекторный процесс в контексте доминантного миропонимания разных культур».¹⁸ Подчеркнем особенность ситуации, когда, например, сопоставляются теории, существовавшие в прошлом или одновременно в разных странах, культурах. Как уже указывалось, в области философии с XIX в. путь для описания, объяснения, понимания идей, учений, возникших в различных эпохах и регионах, прокладывает философская компаративистика.

Обратимся к вопросу о структуре истории политических и правовых учений, чтобы увидеть перспективы ее взаимодействия с философской компаративистикой. Если рассматривать названную структуру с позиции выделения уровней истории учений о государстве и праве, традиционно называются теоретические и эмпирические знания. С точки зрения современного науковедения к ним добавляется «метауровень» — философские основания науки. В связи с этим И. Л. Честнову представляется целесообразным выделить философию истории политических и правовых учений (верхний уровень), теорию истории учений о государстве и праве (средний уровень) и эмпирический (нижний) уровень.¹⁹ Философия истории политических и правовых учений — это «пересечение» философии истории и теории учений о государстве и праве прошлого, онтологически и гносеологически обосновывающее эти учения.²⁰

Очевидно, что история политических и правовых учений имеет более чем тесную связь с философией и историей философии. История политических и правовых учений, по сути, «выросла» на почве философии и в поисках «наилучших» путей и способов познания своего предмета активно привлекает именно философское знание. Поэтому представляется интересным выяснить, каким образом осуществляется сопоставление мыслей, родившихся в различных правовых системах, в рамках философской компаративистики.

Как правило, под философской компаративистикой, или сравнительной философией, понимают область историко-философских изысканий, предметом которой является сопоставление различных уровней иерархии (понятия, доктрины, системы) философского наследия Запада и Востока.²¹ Уточним, что сегодня исследователей интересует мировое философское наследие, включая и Африку, и Латинскую Америку, имея в виду как можно более целостный охват философской мысли различных регионов и стран в компаративистском ракурсе.

Как отмечают специалисты в данной области знания, философская компаративистика означает сегодня не только предмет, но и метод исследования. В качестве метода был определен комплексный, междисциплинарный способ изучения философских культур,

¹⁷ Луковская Д. И. Предмет и методология истории политических и правовых учений // Правоведение. 2007. № 3. С. 208–209.

¹⁸ Там же. С. 209.

¹⁹ Честнов И. Л. История политических и правовых учений: теоретико-методологическое введение: Учеб. пособие. СПб., 2009. С. 51–52. — Интересно сравнить высказанную И. Л. Честновым точку зрения с мнением Д. И. Луковской: «В структуре науки истории политических и правовых учений, по аналогии со структурой теории государства и права, можно выделить следующие направления исследований (исследовательские программы): историю политических учений и историю учений о праве; историю философии права (и государства); историю социологии права (и государства); историю теории позитивного права (теории законодательства)» (см.: Луковская Д. И. Предмет и методология истории политических и правовых учений. С. 202–203).

²⁰ Там же. С. 57.

²¹ Шохин В. К. Ф. И. Щербатской и его компаративистская философия. М., 1998. С. 5.

который способен широко варьироваться. Он может быть сравнительно-историческим, сравнительно-генетическим, опираться на принципы материалистического понимания истории, аналитико-феноменологическим, герменевтическим, структурно-функциональным (в частности, опираться на анализ мифологического материала, сравниваться по одной или нескольким темам), деконструктивистским и т. д. Компаративный анализ как метод познания изучает и проблематизирует способ выявления общего, особенного и уникального в изучаемых философских традициях, школах, понятиях.²² Сравнительный философский анализ включает два принципиальных подхода — аналитический и синтетический, которые предполагают, с одной стороны, адекватное рассмотрение данной концепции (как содержание некоего диалога философских и культурных традиций) и выявление мотивов и фундаментальных целей ее построения; с другой стороны — сравнение, сопоставление методов и идей как в историческом развитии данной концепции, так и в столкновении и противоборстве различных традиций.²³

Нет сомнения, что компаративистская методология, оперирующая сравнением, сопоставлением, диалогом, аналогией, параллелизмом, интерпретацией, реконструкцией и т. п., весьма близка и понятна исследователю политико-правовых теорий.²⁴

Однако вряд ли использование такого приема, как сопоставление отдельных идей, теорий, понятий, пусть даже в контексте социокультурной реальности конкретных эпох с учетом региональных особенностей, позволяет утверждать, что в данном случае использован компаративистский подход. Как представляется, названный подход подразумевает сравнение тех или иных объектов не просто для их лучшего понимания, а для достижения взаимопонимания представителей разных философских традиций в целях дальнейшей коммуникации. Таким образом закладываются коммуникативные основания философского диалога, которые делают реальным межкультурное философское общение при сохранении его участниками своей индивидуальности. В связи с этим обратим внимание на высказанную точку зрения, что претендовать на статус философско-компаративистского исследования возможно тогда, «когда установится реальная основа для взаимодействия носителей разных культурных традиций, и мировоззрение каждого из его участников будет приспособлено к тому, чтобы обеспечить такое взаимодействие».²⁵

Если исследователь обращается к политико-правовым учениям давно ушедших лет, то при таком заинтересованном, ориентированном на взаимодействие культур отношении возникает проблема возможной излишней «модернизации» тех или иных идей. Несомненно, интерпретатор анализирует идейное наследие с учетом накопленного к его времени знания, на основе своих идеологических, философских и методологических установок. Поэтому определенное «осовременивание» неизбежно происходит, что в некоторых случаях позволяет найти новые смыслы в высказанных когда-то идеях. Иная проблема возникает, когда сравнение, осуществляемое на базе собственных идейных представлений, приводит к тому, что сравниваемая идея, доктрина, концепция оценивается как «отсталая», «примитивная», «нецивилизованная». Существует еще ряд трудно-

---

²² Колесников А. С. Философская компаративистика и диалог культур. С. 197–198.

²³ Там же. С. 189.

²⁴ См., напр.: Луковская Д. И. Предмет и методология истории политических и правовых учений. С. 207–211; Графский В. Г. История политических и правовых учений. М., 2005. С. 13–26.

²⁵ Панфилова Т. В. Проблемы осмысления предмета философской компаративистики // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб.: Сайт «Web-кафедра философской антропологии», 2003. С. 12–15 (http://anthropology.ru/ru/texts/panfilova/kompar_2.html).

стей при проведении сравнения, например, сложность переводов иноязычных текстов, изменчивость смыслового значения терминов в темпоральном аспекте. Видимая несоизмеримость и несопоставимость отдельных идей, учений не означают невозможность диалога их сторонников. Основное здесь — признание коммуникантами (участниками диалога и полилога) того, что «другой» мыслитель в «другом» пространстве и времени может сформулировать «другую» идею, признание права «другого» на «другое» мышление, попытка принятия «другой» точки зрения, выявления общего в особенном.

Весьма плодотворные результаты метод философской компаративистики может дать при исследовании рецепированных политико-правовых идей, учений, доктрин. Если принять в качестве рабочей гипотезы предположение, сформулированное И. Л. Честновым, что человечество (и государство, право, политико-правовые учения) развивается от локальных цивилизаций к европоцентристскому обществу, а от него — к постмодернистскому, то в период локальных цивилизаций взаимодействия различных культур не могут поколебать культурной идентичности реципиента.²⁶ На втором этапе истории человечества — европоцентристском — «Европа завоевывает мир в прямом и переносном смысле».²⁷

Европейская цивилизация выдвинула идеи, которые родились в ее лоне, в качестве образцовых, прогрессивных и универсальных. Как отмечалось, и сегодня серьезное значение имеют, в частности, идеи естественно-правового характера. Заимствованные политико-правовые идеи, учения, концепции в ином историческом, социокультурном контексте, в зависимости от конкретных политических целей, достичь которых предполагается с их использованием, приобретают новые черты, открывают новые смыслы по сравнению с первоисточником. Для иллюстрации можно предложить варианты интерпретации учения Самуила Пуфендорфа на российской «почве», так как уже указывалось, что для России широкое проникновение идей естественного права связано именно с его именем. Идеи немецкого философа были использованы в целях естественно-правовой легитимации российского самодержавия, перед которым в то время стояли вопросы усиления государственной власти. Вплоть до 70-х годов XVIII в. труды Пуфендорфа были весьма популярны у российской образованной общественности. Однако гуманистический потенциал его учения не был востребован.²⁸ В советский период Пуфендорф нередко характеризовался как теоретик естественного права, использовавший свое учение в первую очередь для узаконения феодально-крепостнических порядков. Уже в XXI в. на основании достаточно объективного утверждения, что, по Пуфендорфу, приоритетными оказывались обязанности гражданина по отношению к государству, а это вполне устраивало Петра и всех его последователей, был сделан весьма поверхностный вывод: «Именно эта идея, начиная с петровских времен, крепко въевшись в психологию русского человека, во многом до сих пор определяет его менталитет, является источником силы и причиной слабости России. С тех давних времен идея Пуфендорфа, с одной стороны, помогала русским цементировать огромное рос-

---

²⁶ Честнов И. Л. История политических и правовых учений: теоретико-методологическое введение: Учеб. пособие. С. 129.

²⁷ Там же. С. 131. — И. Л. Честнов указывает, что происходит это в Новейшее время, если использовать традиционную периодизацию.

²⁸ Малышева Н. И. Пуфендорф и российская политико-правовая мысль // Малышева Н. И. Государство и индивид в политико-правовом учении Самуила Пуфендорфа: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 79–107.

сийское государство, а с другой, на столетия вперед отвела личности русского человека мизерную роль легко заменяемого, а потому и малоценного винтика в государственном механизме».²⁹ Заметим, что при характеристике политико-правового учения Пуфендорфа западноевропейскими мыслителями великого немецкого ученого называли просветителем, последовательным сторонником секуляризации естественного права, идеологом новых форм жизни общества и государства, первым из правоведов, заложившим основы современного мышления, связавшим понятие права с интересами человека.³⁰ Очевидно, насколько различаются приведенные оценки.

Современные российские исследователи творчества Пуфендорфа отмечают, что он сосредоточил внимание на государственно-правовом бытии индивида не только в рамках универсальной системы естественного права, но и в условиях конкретной социальной действительности, в определенной степени предвосхитив социологическое понимание.³¹ Такое новое прочтение классических концепций связано, в числе прочего, и с тем, что на рубеже XX–XXI вв. с приходом постмодернизма по-другому прозвучали давно поставленные «вечные» вопросы. Дополнив методологический «арсенал» исследователя политических и правовых учений компаративистской интерпретацией идей и теорий, мы если и не найдем ответы на них, то, как минимум, приблизимся к пониманию сути самих вопросов.

Думается, что проблема, важная для любой современной цивилизации, — это права человека, которые приобрели значимость самостоятельной глобальной проблемы, занимающей специфическую нишу в расширенном каталоге глобальных проблем.³² Права человека можно рассматривать как масштаб свободы, необходимый для достойного существования конкретно-исторической личности в обществе, находящемся на определенном этапе исторического развития с системой сложившихся ценностей. Таким образом, получается, что права человека реализуются в каждом обществе особым образом, однако в каждом обществе у человека имеются определенные права. Подчеркнем, что «поскольку интересы и заинтересованное поведение определяются различными, в том числе социокультурными, обстоятельствами, конкретный “каталог” прав и обязанностей человека и гражданина исторически изменчив и соответствует закономерностям развития правовой культуры в рамках конкретного хронотопа».³³ Естественно, в условиях интернационализации, регионализации и универсализации прав человека требуется переосмысление понятия и представления о них, в том числе с учетом антрополого-коммуникативного подхода. Пристального внимания заслуживают отдельные идеи и взгляды, формирующие теорию прав человека. Можно предположить, что некоторые из таких идей имеют определенный потенциал в перспективе приобрести статус «универсальных». В частности, идея человеческого достоинства. Такая основная, исходная идея может рассматриваться и как принцип права. Абсолютность названного принципа считается очевидной с точки зрения негативных последствий его наруше-

²⁹ Романов П. Проблемы отдельно взятой личности. От Петра I до «Хезболлах» (<http://b-82.livejournal.com/5514.html>).

³⁰ См., напр.: Wolf E. Grotius, Pufendorf, Thomasius. Tübingen, 1927. S. 85–96.

³¹ Малышева Н. И. Государство и индивид в политико-правовом учении Самуила Пуфендорфа: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 6.

³² Глухарева Л. И. Современные проблемы теории прав человека. М., 2004. С. 51.

³³ Поляков А. В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека // Права человека: вопросы истории и теории: Материалы межвузовской научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 24 апреля 2004 г. СПб., 2004. С. 28.

ния.³⁴ Как указывает В. А. Четвернин в своем исследовании современных концепций естественного права, принцип человеческого достоинства трактуется как материальный ценностный критерий соблюдения естественных прав человека в законодательстве. В подтверждение данного утверждения российский ученый приводит мнение Р. Марчича, который считает, что естественное право запрещает унижение неотъемлемого человеческого достоинства, что это право предписывает, чтобы порядок общения институционально защищал человека как субъекта, предоставляя право на законный суд, правоспособность, дееспособность и т. д.³⁵

В связи с обращением к идее человеческого достоинства как гипотетически универсальной идее еще раз вспомним классика естественного права немецкого мыслителя Самуила Пуфендорфа. По мнению Карла-Гейнца Илтинга, «решающее в этой, порожденной Новым временем идее человеческого достоинства — понимание его не ценностным качеством природы человека как таковой, но юридическим титулом, дающим каждому человеческому индивиду как потенциальному адресату всеобщей обязывающей основной нормы право выставить определенные притязания. Даже Кант не смог это выразить ясней, чем Пуфендорф».³⁶ Такой юридический титул индивид получает как субъект социального общения, как разумное существо, обладающее свободной волей. Однако назвать идею человеческого достоинства исключительным достижением теории естественного права в западной интерпретации нельзя. Данная идея занимает достойное место, например, в учениях восточной мысли. В подтверждение приведем слова Лауреата Нобелевской премии мира 2000 г., южнокорейского президента Кима Дае Янга: «Задолго до Запада на Востоке в его мыслительных системах были четко зафиксированы идеи уважения человеческого достоинства...».³⁷ Как известно, уже в Преамбуле Всеобщей декларации прав человека провозглашается признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи. Представляется, в данном случае перед нами идея всеобщего, универсального характера, которая может быть принята всеми участниками социального общения и которая может быть на практике перенесена из достаточно абстрактной сферы идей в конкретный социальный глобализирующийся мир.

---

³⁴ Четвернин В. А. Современные концепции естественного права. М., 1988. С. 119.

³⁵ Там же. С. 120.

³⁶ *Ilting K.-H. Naturrecht und Sittlichkeit. Begriffsgeschichtliche Studien.* Stuttgart, 1983. S. 87 (цит. по: *Мамут Л. С. Политические и правовые теории немецкого Просвещения // История политических и правовых учений XVII–XVIII вв.* М., 1989. С. 176).

³⁷ Цит. по: *Мотрошилова Н. В. Идеи единой Европы: философские традиции и современность // Вопросы философии.* 2004. № 12. С. 5.